

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Е. В. Замаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 января 2009 г.

Аннотация: рассматривается проблема выражения эмоционального состояния посредством глаголов. Целью исследования является определение принципов употребления таких глаголов в той или иной временной форме, а также основных особенностей их перевода с русского на английский язык.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, глагол, глагольная модель, глагольный предикат, переводческий прием.

Abstract: the article is focused on the problem of representation of emotional state by means of verbs. The purpose of the research is to determine principles of using such verbs in different tense forms, as well as to determine the main principles of translation of such verbs from Russian into English.

Key words: emotional state, verb, verbal model, verbal predicate, translation method.

Статья посвящена проблемам выражения эмоционального состояния при помощи глаголов в формах Past Simple и Present Perfect в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Рассмотрены также закономерности передачи глагольных предикатов эмоционального состояния при переводе романа с русского языка на английский.

Материал исследования включает в себя оригинальный текст романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (М., 2005, т. 3), а также два его перевода на английский язык. Один из переводов выполнен Ричардом Певиром (Richard Pevear) и Ларисой Волохонской (Larissa Volokhonsky), а другой — Майклом Гленни (Michael Glenny).

Эмоциональное состояние представляет собой как бы «часть» более обширной категории состояния, одним из средств выражения которой являются предикаты. По мнению И. Н. Яковлевой [1], основные способы выражения эмоционального состояния при помощи предикатов в языке могут быть сведены к трем основным синтаксическим моделям: глагольной, адъективной и причастной и предложно-падежной. Глагольная модель используется говорящим в случае, когда требуется подчеркнуть «активность» субъекта при переживании того или иного состояния, т. е. состояние субъекта выражается в его поведении, например: *Посылая письмо, она рассчитывала на гораздо меньшее: муж не показывает, жена злится, топает ногой, старается вырвать...* (В. Набоков), предложно-именная модель — в случаях, когда состояние осмысливается как «вместилище», например:

He was in rather grotesque condition of worry and nervousness. [2].

В своем исследовании мы попытались выявить основные способы передачи глагольных предикатов эмоционального состояния при переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Как показало исследование, чаще всего глагольная модель при переводе передается при помощи адъективной модели, иногда переводчик для передачи того или иного значения использует предложно-именную модель.

Нами было зафиксировано 47 случаев употребления глагольной модели для передачи эмоционального состояния в оригинальном тексте, 22 из них в переводе Р. Певира и Л. Волхонской заменены на адъективные предикаты, при переводе пяти из них были использованы эллиптические конструкции типа: *Иван Николаевич смутился, но ненадолго, потому что вдруг сообразил, что профессор непременно должен оказаться в доме № 13 и обязательно в квартире 47. — Disconcerted, but not for long, for no apparent reason Ivan Nikolayich had a sudden intuition that the professor must be in house No. 13, flat 47.* В переводе М. Гленни из 47 случаев в 40 глагольные предикаты эмоционального состояния были заменены на адъективные, эллиптическая конструкция использовалась при переводе глагольных предикатов эмоционального состояния всего один раз, например: *Но тот ничуть не обиделся, а привычным, ловким жестом снял очки, приподняв полу халата, спрятал их в задний карман брюк, а затем спросил у Ивана: — But the latter, not offended in the least, took off his glasses with a habitual, deft movement, raised the skirt of his coat, put them into the back pocket of his trousers, and then asked Ivan.*

При трансформации глагольного предиката в адъективный переводчики используют разнообразные связочные глаголы: to be, to feel, to get, to grow, to become. А. Вежбицкая [3] пишет: «Английский глагол *feel* имеет очень широкую сферу употребления и свободно сочетается с различными словами, обозначающими эмоциональное **состояние** (например, *I feel depressed* — ‘Я чувствую себя подавленно’), **ощущения** (например, *I feel hungry* — ‘Я чувствую голод’), равно как и со словами, обозначающими внешние по отношению к субъекту **ситуации** (например, *I feel abandoned* — ‘Я чувствую себя заброшенным’), (*I feel betrayed* — ‘Я чувствую, что меня предали’))» [3]. Глаголы to be и to feel зачастую используются для обозначения пребывания в каком-либо состоянии, например: *Пахло луком из подвала теткин* *дома, где работала ресторанный кухня, и всем хотелось пить, все нервничали и сердились.* — *There was a smell of onion coming from the restaurant kitchen in the cellar; everybody wanted a drink, everybody was nervous and irritable* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской); *The smell of onions came from the basement of the aunt's house, where the restaurant kitchen was at work, they were all thirsty, they were all nervous and angry* (пер. М. Гленни); *Теперь, сидя на камне, этот чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами человек тосковал.* — *Now as he sat on his stone, his eyes festering from heat, dust and lack of sleep, the black-bearded man felt miserable* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской); *Теперь, познакомившись с одним из его произведений, Никанор Иванович загрустил, представил себе женщину на коленях, с сиротами, под дождем, и невольно подумал: «А тип все-таки этот Куролесов!»* — *Now, having become acquainted with one of his works, Nikanor Ivanovich felt sad, imagined the woman on her knees, with her orphaned children, in the rain, and involuntarily thought: “What a type, though, this Kurolesov!”* (пер. М. Гленни). Что касается глаголов to get, to become, то они, как правило, указывают на переход в какое-либо состояние, например: *Иван расстроился.* — *Ivan got upset* (пер. М. Гленни); *Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.* — *“There is no seltzer,” the woman in the stand said, and for some reason became offended* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской) — переход в состояние. Помимо указанных глаголов, переводчики используют и глагол «to grow», который указывает на постепенное усиление состояния, например: *Тут Маргарита взволновалась настолько, что у нее застучали зубы и по спине прошел озноб.* — *Margarita grew so excited that her teeth started chattering and a shiver ran up her spine* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской); *Слуга, перед грозой накрывавший для прокуратора стол, почему-то растерялся под его взглядом, взволновался от того, что чем-то не*

угодил, и прокуратор, рассердившись на него, разбил кувшин о мозаичный пол, проговорив: “Почему в лицо не смотришь, когда подаешь? Разве ты что-нибудь украл?” — *The servant who was setting the table for the procurator before the storm became disconcerted for some reason under his gaze, grew alarmed at having displeased him in some way, and the procurator, getting angry with him, smashed the jug on the mosaic floor, saying: “Why don't you look me in the face when you serve me? Have you stolen something?”* (пер. М. Гленни).

Еще в пяти случаях в переводе Р. Певира и Л. Волхонской глагольные предикаты эмоционального состояния передаются при помощи предложно-именной модели, например: *Разве вы без шпаги пришли? — удивилась Гелла.* — *‘Surely you didn't come without a sword?’ asked Hella in surprise.* В двух случаях при переводе использовалась исходная, т.е. глагольная, модель, например: *Однако постепенно он успокоился, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: «Ну-с, утак...» — повел речь, прерванную питьем абрикосовой.* — *However he gradually calmed down, flapped his handkerchief and with a brave enough ‘Well, now...’ carried on the conversation that had been interrupted by their drink of apricot juice.; Публика волновалась, но идти на сцену пока никто не решался.* — *The audience began to fidget, but no one dared mount the stage* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской). Что касается перевода М. Гленни, то он использует такую трансформацию всего один раз: *Теперь, сидя на камне, этот чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами человек тосковал.* — *Now, sitting on the stone, this black-bearded man, his eyes festering from the sun and lack of sleep, was in anguish.*

Анализируя основные приемы перевода, использованные переводчиками, мы пришли к выводу, что основным способом перевода при передаче на английский язык глагольного предиката эмоционального состояния является функциональная замена, посредством которой глагольный предикат трансформируется в адъективный. Мы используем термин «функциональная замена» вслед за Т. А. Казаковой [4], которая использует его в своей книге «Практические основы перевода». С точки зрения лингвистов, придерживающихся теории функционально-семантических полей (ФСР), например, А. В. Бондарко [5], это вполне логично, так как если изобразить ФСР эмоционального состояния для русского и английского языков, то мы увидим, что в ФСР русского языка центральное положение принадлежит глагольной модели, тогда как в ФСР английского языка центральным компонентом является адъективная модель.

Следует отметить, что к предикатам, описывающим эмоциональное состояние, мы не относим

конструкции, относящиеся к группе каузативов, т.е. включающие в свое значение компонент каузации. В некоторых теориях, в частности, в генеративной семантике, все виды каузативных предикатов выводятся из единой глубинной структуры, в которой элемент «cause» соединяет имя лица или пропозицию с обозначением другой, каузируемой пропозиции [6]. Сюда относят скрытые каузативы, такие, как *to frighten*, и предикаты с предметным наполнением, например *to break, to burn, to put*.

Л. М. Васильев [7] приводит классификацию Д. Круза, который разделил английские переходные глаголы (скрытые каузативы) на три группы: 1) глаголы каузации эмоциональных состояний: *The doctor frightened Mary by giving her an injection*. В этом предложении можно допустить лишь одну интерпретацию, относящую испуг Мэри за счет воздействия на нее врача (либо инъекции); 2) глаголы каузации требованием (здесь присутствуют агентивный объект и агентивный субъект), например: *John marched the prisoners*; 3) переходные глаголы каузации, причем в качестве объекта выступает неодушевленный предмет, например: *John turned the picture*. Очень часто глаголы этой группы обозначают сознательные, целенаправленные действия.

В некоторых случаях переводчик трансформирует предикат эмоционального состояния в конструкцию с компонентом каузации, например: *Прокуратор сел в кресло, Банга, высунув язык и часто дыша, улегся у ног хозяина, причем радость в глазах пса означала, что кончилась гроза, единственное в мире, чего боялся бесстрашный пес, а также то, что он опять тут, рядом с тем человеком, которого любил, уважал и считал самым могучим в мире, повелителем всех людей, благодаря которому и самого себя пес считал существом привилегированным, высшим и особенным.* — *Banga, tongue hanging out and panting fast, lay down at Pilate's feet with an expression of delight that the thunderstorm was over, the only thing in the world that frightened this otherwise fearless animal; delighted, too, because it was back again with the man it loved, respected and regarded as the most powerful being on earth, the ruler of all men, thanks to whom the dog too felt itself a specially privileged and superior creature* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской). В оригинале мы наблюдаем глагольный предикат эмоционального состояния «*боялся*», характеризующий поведение субъекта в определенной ситуации (*бесстрашный пес боялся*), тогда как в переводе — каузативную конструкцию «*the only thing in the world that frightened this otherwise fearless animal*», т.е. здесь субъект не переживает состояние, а что-то как бы «заставляет» его переживать это состояние. Похожую трансформацию использует и М. Гленни в своем переводе: *Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и*

почему-то обиделась. — *For some reason the request seemed to offend her.* И в переводе Р. Певира и Л. Волхонской, и в переводе М. Гленни подобная трансформация, касающаяся передачи эмоционального состояния, встречается один раз. Использование такой трансформации можно объяснить тем, что переводчик, пытаясь сохранить стилистическое своеобразие текста, в то же время стремился сделать текст «доступнее» для англоязычного читателя, не перегружая перевод сложными предложениями, характерными для русского текста.

Кроме того, в переводах нами было зафиксировано несколько случаев трансформации глагольного предиката эмоционального состояния в атрибутивное словосочетание, т.е. признак, выражаемый в оригинальном тексте глагольным предикатом, в переводе выражается при помощи прилагательного/причастия, выполняющего функцию определения, например: *Тут же стояли, ловя нестойкую тень, и скучали коноводы, державшие присмиривших лошадей.* — *There, making the most of the inadequate shade, the bored grooms lounged beside the horse-lines* (пер. Р. Певира и Л. Волхонской); *There, too, catching the unsteady shade, stood the bored horse-handlers, holding the quieted horses* (пер. М. Гленни); *Тут он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился происшедшей перемене.* — *With that he looked round. The visible world vanished from his sight and an astonishing change occurred.* Во втором случае переводчики применяют более сложную трансформацию: они расщепляют исходное предложение на две части; в первой из них субъект совпадает с субъектом предложения в исходном тексте, тогда как во втором предложении в роли субъекта выступает существительное «*change*», выполняющее функции дополнения в оригинале «*удивился > перемене*».

Иногда при переводе глагольный предикат эмоционального состояния трансформируется в словосочетание «глагол + наречие» посредством приема добавления, например: «*Поснеем ли за цветами заехать?* — *беспокоился маленький,* — *кремация, ты говоришь, в два?*» — *'Shall we have time to buy some flowers? 'enquired the smaller man anxiously. ' You said the cremation was at two o'clock, didn't you? ' (пер. Р. Певира и Л. Волхонской). В этом случае значение глагола «беспокоиться» при переводе как бы «расщепляется» на две составляющих: для выражения компонента собственно действия (*enquired*) и для выражения эмоционального признака этого действия (*anxiously*). Действие выражается при помощи глагола, а его признак — при помощи наречия. Использование добавления в данном случае обусловлено тем, что в английском языке нет глагола, по семантике абсолютно эквивалентного русскому глаголу «беспокоиться».*

Нами было зафиксировано два случая нулевого перевода, как то: — *Что вам угодно? — и сам поразился, не узнав своего голоса. — 'What do you want?' He did not recognize his own voice; Но благодаря его выкрикам тревога передалась в 120-ю комнату, где больной проснулся и стал искать свою голову, и в 118-ю, где забеспокоился неизвестный мастер и в тоске заломил руки, глядя на луну, вспоминая горькую, последнюю в жизни осеннюю ночь, полоску света из-под двери в подвале и развившиеся волосы. — His unrest, however, had communicated itself to № 120 where the patient woke up and began looking for his head; No. 118 where the nameless master wrung his hands as he gazed at the moon, remembering that last bitter autumn night, the patch of light under the door in his basement and the girl's hair blown loose.*

В ряде случаев используется, контекстуальная замена, например: *Но тот ничуть не обиделся, а привычным, ловким жестом снял очки, приподняв полу халата, спрятал их в задний карман брюк, а затем спросил у Ивана: — The courteous doctor, however, showed no signs of offence and with a practiced gesture took off his spectacles, lifted the skirt of his overall, put them in his hip pocket and then asked Ivan; Гость долго грустил и дергался, но наконец заговорил. — After a long, gloomy silence the visitor said at last; Потрясенный всем этим бухгалтер дошел до секретарской комнаты, являвшейся преддверием кабинета председателя комиссии, и здесь окончательно поразился. — Slightly shaken, the accountant reached the door of the secretaries' office, which was the ante-room to the chairman's office, where he had the greatest shock of all; Она совсем запечалилась и понурилась. — She had worked herself into a state of complete depression; Маргарита очень разгневалась. — Margarita blazed with anger. — Я так взволновалась! — воскликнула Маргарита, — это случилось так неожиданно. — 'I had such a shock!' exclaimed Margarita, 'it happened so unexpectedly!' Чаше всего такой тип трансформаций используется для того, чтобы передать какие-либо оттенки значения, выражающиеся в русском языке при помощи наречий (*ничуть не обиделся, совсем запечалилась и понурилась, окончательно поразился, очень разгневалась, так взволновалась*). Такие наречия в русском языке указывают на глубину,*

степень переживания эмоционального состояния. Почти всегда такие наречия идут вместе с глагольным предикатом, обозначающим фазу эмоционального состояния. Как правило, это начальная фаза состояния, например: *Маргарита очень разгневалась. — Margarita blazed with anger.* Иногда та или иная фаза состояния при переводе передается адъективной моделью, причем в роли вспомогательного глагола выступает не глагол «to be», а глагол «to grow», выражающий постепенное усиление состояния, например: *Мастер взволновался от этих слов и заговорил, присаживаясь на край Иванушкиной постели: — А вот это хорошо, это хорошо. Вы о нем продолжение напишите! — The master grew excited at this and said as he sat down on the edge of Ivan's bed: 'That's good, that's good. You must write the sequel to it.'*

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что чаще всего глагольные предикаты эмоционального состояния в тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» при переводе передаются адъективной, реже — предложно-именной моделью. Иногда переводчик прибегает к таким приемам перевода, как нулевой перевод, добавление или контекстуальные замены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Яковлева. — Воронеж, 2003. — 34 с.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теории метафоры. — М., 1990. — С. 387—415.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. — М. : Русские словари, 1996. — С. 291—325.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. — СПб. : Союз, 2001. — 318 с.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1976. — 132 с.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1976. — 250 с.
7. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. — М. : Высшая школа, 1981. — 317 с.

Воронежский государственный университет

Замараева Е. В., соискатель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации
E-mail: zamaraeva-ev@yandex.ru
Тел.: (4732) 24-79-27; 8-950-757-43-26

Voronezh State University

Zamaraeva E. V., Postgraduate Student of the Translation and Intercultural Communication Department
E-mail: zamaraeva-ev@yandex.ru
Tel.: (4732) 24-79-27; 8-950-757-43-26